

Е. А. Цыпанов (Сыктывкар)

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИ ГЛАГОЛА В ТРУДАХ Ю. ВИХМАННА

В диалектных материалах Ю. Вихманна хорошо отразились диалектные и архаичные особенности в глагольной системе. Сбор коми диалектного и фольклорного материала Ю. Вихманн проводил большей частью находясь в Усть-Сысольске. Причем материалы по печорскому, ижемскому, удорскому диалектам он записал от информантов-уроженцев сел диалектных регионов: от писаря из села Важгорт А. Брегодского (Удора), от учащихся И. Попова, А. Мезенцева, Г. Шахтарова (Печора, Ижма), от полицейского из села Климушева (Нижняя Вычегда). Сам же Вихманн аудитивным методом исследовал в современных терминах язык присыктывкарского, среднесысольского, лузско-летского диалектов и говора с. Юсьва коми-пермяцкого языка (Костромина 1979: 58-59). Естественно, наиболее полное представление в трудах Ю. Вихманна получили эти диалекты. Это можно утверждать по представленным в конце работы "Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre" (Wichmann 1942) кратким грамматическим описаниям. Отмеченные южные диалекты отражены лучше, в то же время менее полно представлены печорский, ижемский и удорский диалекты.

Но так как последующие исследования в области диалектологии проделали то же самое, т.е. большей частью повторили описание Вихманна, в статье уделим внимание на два момента, а именно: 1) на выделение материала с точки зрения современных исследований по коми языкознанию; 2) на архаичные явления и на случаи редких словоупотреблений, выявленных в текстах финского ученого.

Систему глагольных форм всех диалектов Ю. Вихманн представляет следующим образом: в рамках изъявительного наклонения описывает времена глагола, лично-числовые суффиксы, затем даются повелительное и условное наклонения, и после этого представля-

ются различные отглагольные имена (Verbalnomina) и отглагольные наречия (Verbaladverbien).

С точки зрения диалектных особенностей интересны выделенные Ю. Вихманном различия в лично-числовых суффиксах спряжения глаголов, прежде всего в формах I и 2 лица мн. числа настоящего-будущего и I простого прошедшего времени в южнокоми диалектах. Далее приводятся примеры из представленных в конце словаря Ю. Вихманна грамматических очерков разных диалектов (Wichmann 1942: 368-411) (по техническим причинам материал транслитерирован в транскрипцию на русской графической основе).

Присыктывкарский диалект: 2 л. мн. ч. мунад (лит. мунан-ныд) "вы идете"; среднесыольский диалект: 1 л. мн. ч. мунамб (лит. мунам) "мы идем", 2 л. мн. ч. мунад (лит. мунанныд) "вы идете"; лузско-летский диалект: 1 л. мн. ч. бос'тамэ (лит. бос'там) "мы возьмем"; 2 л. мн. ч. бос'тап, бос'тадб (лит. бос'тан-ныд) "вы возьмете".

Диалектное оформление суффиксов I, 2 л. мн. ч. -амб, -ад отражает более древнее состояние языка. Например, элемент д в суффиксе -ад восходит к финно-угорскому глагольному показателю 2 л. ед. ч. *-t (Лыткин 1977: 61). В то же время по функционированию этих суффиксов южные коми-зырянские диалекты сближаются с коми-пермяцкими диалектами. Так, далее Ю. Вихманн приводит лично-числовые формы коми-пермяцкого юсьвинского диалекта: 1 л. мн. ч. бос'тамб, параллельная форма бос'там "мы возьмем"; 2 л. мн. ч. бос'тат, бос'тадб "вы возьмете".

Все выделенные языковые особенности ярко характеризуют южные коми-зырянские диалекты в области глагольного словоизменения.

В ижемском и удорском диалектах Ю. Вихманн выделил характерные для них лично-числовые глагольные суффиксы 3 л. мн. числа настоящего-будущего и I простого прошедшего времени -ныс, например, удор. мбдасныс (лит. мбдасны) "они отправятся", ижем. карэныс "они делают". Суффикс -ныс также архаичен в грамматической системе, он сохраняет элемент -с от переосмыслившегося в глагольный лично-числовой показатель исторически притяжательного суффикса коллективного обладания 3 л. -ныс, например (лит. керкаясныс "их дома") (Серебренников 1963: 247-248). Этот же ар-

хаичный формант встречается в текстах древнекоми письменности XIV-XVII веков.

Лично-числовую парадигму II простого прошедшего времени Ю. Вихманн в коми-зырянских диалектах отразил менее полно. Например, в ижемском и удорском диалектах отмечены лишь суффиксы 3 лица ед. и мн. чисел: ижем. карэма "он сделал, оказывается", карэмаэсь "они сделали, оказывается", тогда как последующие диалектологические исследования выявили полную парадигму словоизменения II прошедшего времени в ижемском диалекте. Формы II прошедшего времени в ижемском диалекте употребляются во всех 3 лицах (Сахарова - Сельков 1976: 80, 82), как и в удмуртском языке, что отличает этот диалект от всех остальных коми-зырянских диалектов. Вероятно, Ю. Вихманн выделил лишь употребляющиеся в записанных им текстах диалектные особенности.

В то же время в южных коми-зырянских диалектах среднесельском и лузско-летском Ю. Вихманн отметил своеобразные для южнокоми региона показатели 3 л. мн. ч. II прошедшего времени -ны, напр., муньоны "они ушли, оказывается", что употребляется параллельно с муньмабс' "они ушли, оказывается". Суффикс -бс' характерен для остальных диалектов коми-зырянского языка, он же общепринят как литературная норма. Однако в литературных произведениях диалектный лично-глагольный суффикс 3 л. мн. ч. II прошедшего времени -ны довольно регулярно употребляется наряду с суффиксом -бсь, особенно у авторов - уроженцев южных районов Коми АССР (В. Юхнина, И. Торопова, Н. Куратовой).

Хотя в грамматических обзорах по диалектам Ю. Вихманн везде отмечает суффикс 3 л. ед. ч. II прошедшего времени -бма, -эма, тем не менее в записанных им текстах обнаруживается вариативность в употреблении суффиксов -бм и -бма, -эм и -эма, напр., в среднесельском диалекте: ббкыс кынбм(а) бшмбс д'нас "хвост волка примерз к проруби" (Wichmann 1916: 138). Это же явление отмечено и в лузском диалекте, что является чертой, сближающей южные коми-зырянские диалекты с коми-пермяцкими диалектами. Ю. Вихманн в юсьвинском диалекте фиксирует подобные случаи, напр., ббкыс кынбм йукмбс бэрдас "хвост примерз к проруби" (Wichmann 1916: 143).

Наряду с лично-числовыми формантами, в текстах и граммати-

ческих обзорах по коми-зырянским диалектам Ю. Вихманн зафиксировал архаичные черты языковых употреблений в отглагольных именах (Verbalnomina) и отглагольных наречиях (Verbaladverbien). Под отглагольными именами, представленными под разными номерами, Ю. Вихманн дает 7 видов различных по качеству и современным толкованиям образований. Перечислим их по порядку.

Под 1 вербалноименой представлен инфинитив с суффиксом -ны, -ныны, диалектные различия обнаруживаются лишь в качестве гласных суффикса.

В одну группу глагольных имен под цифрой 2 включены образования, объединенные суффиксом -ом, -эм. Например, в среднесольском диалекте здесь выделены два разных образования: имена действия на -ом (тэ с'овом мыс'т'и "ты после еды") и причастия прошедшего времени (мэ адзылі домалом вёл "я видел привязанную лошадь").

Подобное же включение наблюдается в отношении грамматических очерков других диалектов. В присытктыварском диалекте Ю. Вихманн привел под цифрой 3 также и пример ус'кбдчбон "набросившись". Такие случаи в современных грамматиках толкуют лишь однозначно как деепричастия сопутствующего действия. Несомненно, с современной точки зрения такое сведение разных образований в одну группу, вероятно, не является приемлемым. Однако в практике современной лексикографии пермских языков признание первичности формального плана выражения, как и у Ю. Вихманна, до сих пор безраздельно господствует. Это выражается в том, что имена существительные и причастия раскрываются в словарях в рамках одной словарной статьи и преподносятся как полисемы, напр., в "Коми-русском словаре": кбрталом 1 и. д. к кбртавыны завязывание; 2. прич. завязанный, перевязанный; в "Удмуртско-русском словаре" слово усьтам открытый, раскрытый // открывание, раскрывание. Таким образом, в описании фактов отглагольных образований формальный подход еще довольно распространен в пермской лексикографии.

В состав отглагольных имен под номером 3 Ю. Вихманн включает все образования с суффиксальным элементом -иг, обычно представляемые в современных исследованиях как деепричастия, напр., мунигмоэ "шагая". Однако Ю. Вихманн во многих случаях приводит

очень интересные словоупотребления, которые проблематично было бы считать как собственно деепричастные. В частности, напр., в присыктивкарском диалекте отмечен пример ас тѳриг роз' "отверстие, в которое можно пролезть самому". Здесь образование с -иг выполняет несвойственную ему функцию определения. Выделенные примеры говорят о том, что, возможно, в современном коми языкознании толкование многочисленных -иг-овых отглагольных форм только лишь как деепричастий не является абсолютно верным. Об этом и говорят такие примеры из текстов Ю. Вихманна, как уз'иг костыс "во время сна", вэтліг костас "между хождениями" (образования -иг с послелогогами Ю. Вихманн пишет отдельно). Поэтому трактовка Ю. Вихманном -иг-овых образований как отглагольных имен в приведенных примерах кажется объективным. Закономерно поэтому Д. Фокш-Фукс выделяет омонимичные -иг-овые отглагольные имена и деепричастия в своем исследовании (Fokos-Fuchs 1958: 318-320). Тексты Ю. Вихманна говорят о том, что ранее именно употребление -иг-овых образований было характерным для коми диалектов.

В отглагольное имя под номером 4 включены причастия с суффиксом -ан (напр., мудя вэтлан Микулай "странствующий Микулай") и имена действия с омонимичным суффиксом (кулан дорбдэ "до смерти"). Теперь в грамматиках эти грамматические формы обычно представляют отдельно, однако в словарях пермских языков, как и в случае с образованиями на -эм, -эм, -м, различные грамматические структуры опять же ошибочно представляют как случаи лексико-грамматической полисемии.

В группу отглагольных имен под номером 5 Ю. Вихманн включил имена действителя с суффиксом -ись, -ись (напр., в присыктивкарском доктыс'йас "пришельцы, приходящие"), не разграничивая их на причастия и существительные.

В группу образований под номером 6 Ю. Вихманн включил причастия прошедшего времени на -ѳма, например, в присыктивкарском диалекте, мэ аддзи домалѳма вѳлѳс "я увидел привязанного коня". Судя по тому, что финский ученый отдельно выделил случаи с -ѳм и -ѳма, можно констатировать, что в дескрипции отглагольных имен и наречий Ю. Вихманн опирался на чисто формальный критерий,

на фонологический статус формантов.

Среди отглагольных наречий, отмеченных Ю. Вихманном, привлекает внимание выделенное в лужском диалекте отглагольное наречие с суффиксом -мыс'тѳн, например, мэ с'оймыс'тѳн лакта "я после того как покушаю, приду". Отглагольное наречие под номером I он отмечает и в ижемском диалекте с суффиксом -ѳмыс'. Эта архаичная форма встречается в произведениях первого коми поэта Ивана Куратова (XIX в.), но не получила распространения за последующее время и бытует в основном в диалектной речи.

В качестве заключения можно отметить, что Ю. Вихманн по результатам сбора материала лишь одной экспедиции достаточно явно определил диалектные различия в системе глагола коми-зырянского языка. Они заключаются в основном в лично-числовом суффиксальном оформлении глаголов настоящего, I и II прошедших времен. Во многих случаях Вихманн отразил архаичные черты и в области причастий, деепричастий, отглагольных имен существительных, представляемых им как *Verbalnomina* и как *Verbaladverbien*.